

**В вихре
времён**

Валерий АТАМАШКИН

Я – СПАРТАК!

Возмездие неизбежно

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А92

Художественный редактор *П. Волков*

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *А. Руденко*

Атамашкин, Валерий Владимирович.

А92 Я — Спартак! Возмездие неизбежно / Валерий Атамашкин. — Москва : Эксмо : Яуза, 2018. — 416 с. — (В вихре времен).

ISBN 978-5-04-093322-8

Лейтенант ФСБ Спартак Гладков и олигарх Марк Красовский — злейшие враги. Лейтенант несколько лет пытается уличить олигарха в продаже на черном рынке военных технологий. И наконец Гладков берет Красовского с поличным при передаче террористам новейшей установки РЭБ. Во время завязавшейся перестрелки пуля попадает в прибор и... Спартак оказывается в далеком прошлом, за 70 лет до нашей эры.

Идет последний год восстания гладиаторов. Оно потерпело крах — голод, холод и раскол грозят полным разгромом, рабы заперты на Регийском полуострове. Сумеет ли молодой лейтенант поднять боевой дух восставших? Сможет ли обновленный Спартак, используя боевой опыт спецподразделений XXI века, переломить ход войны? И что будет, когда Гладков узнает, что за личиной победоносного римского полководца Марка Красса скрывается его старый враг?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093322-8

© Атамашкин В.В., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Несмотря на то что с событий, произошедших ночью 17 июня 2017 года, минуло много времени, я помню все по минутам. После той ночи я стал другим, изменились обстоятельства, но самое главное — совершенно другим стал мир...

Пролог

Рука, потянувшаяся к кобуре, отдернулась. Я сжал вспотевшую ладонь в кулак, уставился на автомобиль, который остановился у шлагбаума парковки бытового склада. За тонированными стеклами автомобиля, к тому же в полной темноте, я не мог разглядеть, что происходило в салоне. Погас ближний свет фар. Скрипнул шлагбаум, поднялся вверх. Черный, отполированный до блеска седан медленно въехал на парковку. Заглушили двигатель, из выхлопных труб тонкими струйками потянулась белесая дымка конденсата. Передние двери плавно открылись, и на парковку вышли двое телохранителей — строгие костюмы черного цвета, подтянутые, короткостриженные, на поясе кобура. С минуту они осматривались, затем один из них подошел к изрисованной граффити стене склада, поднял ворота. Второй открыл заднюю дверь седана. Встал так, что на какое-то время закрыл мне обзор. Из салона автомобиля послышался сухой приступообразный кашель. Я стиснул зубы, в висках пульсировала кровь.

На парковке появился мужчина на вид пятидесяти лет. Среднего роста, чуть полноватый, с редкой бо-

родой и большими выразительными глазами. Каштановые волосы растрепались и прилипли ко взмокшему лбу. Он огляделся, взял из рук своего телохранителя небольшую бутылку минералки. Жадно сделал несколько больших глотков и тут же вернул бутылку обратно секьюрити.

— Спасибо, в горле сегодня першит.

— Что-то еще, Марк Робертович? — с серьезным видом спросил телохранитель.

— Не сейчас, Аркаша, — покачал головой Марк Робертович. — Займись делом.

Впервые Марк Робертович Крассовский попал в нашу разработку в 2011 году, когда его некоммерческий фонд «зашумел» в только открывшемся «Сколково», вкладывая немалые деньги в разработку и развитие новейших технологий. К тому моменту я только начал работать в ФСБ, получил лейтенанта и пытался всячески проявить себя, поэтому с удовольствием взял в разработку так называемое «дело олигарха», которое многие наши ребята считали тухляком, оттого сторонились как черт лаdana. Я был сразу предупрежден, что рою там, где не следует, и наверняка найдется много желающих щелкнуть меня по носу. Как-то на одном корпоративе, после того как градус принимаемых офицерами напитков крепко обосновался на отметке сорок, прозвучал совет, что я должен закрыть на происходящее глаза. Многие тогда высказали мнение, будто, копая под Крассовского, я собственноручно вырою себе могилу. Однако для меня стало делом чести вывести олигарха на чистую воду. Все дело в том, что особое место в инвестиционном списке Крассовского занимали новейшие российские разработки в области РЭБ, которые олигарх почти в открытую продавал на черном рынке нашим

западным «партнерам». Я, как человек, за свою жизнь прошедший три горячие точки, комиссованный после контузии во время конфликта в Южной Осетии, понимал, к чему все это может привести. Из-за таких, как Крассовский, наша страна ослабевала, на войне гибли те, кто был призван защищать свою Родину. «Дело олигарха» стало продолжением меня, я твердо решил вывести этого человека из игры, для чего должен был поймать его с поличным, и последовательно шел к своей цели. Увы, затеянные мной операции с треском проваливались, всякий раз Крассовский ускользал из моих рук. У начальства уже лежало подписанное мной заявление об увольнении без даты. Поэтому 17 июня был мой последний шанс поставить в «деле олигарха» жирную точку. В этот день Марк Робертович Крассовский лично присутствовал на заключении крупной сделки по продаже экспериментальной установки РЭБ...

Троица из седана скрылась в здании склада. Ворота с грохотом опустились, подняв пыль на асфальте. Капитан группы захвата, сидевший по левую руку от меня, выверенным движением надел маску. Мы переглянулись, я коротко кивнул, дал понять, что настало время переходить к делу. Капитан отдал звучный приказ своим бойцам:

— Приготовиться! — Он посмотрел на меня и спросил: — Спартак, ты хорошо подумал?

Я знал, что он спросит, поэтому ответил без раздумий, так, чтобы ни у кого из сидящих в машине не оставалось сомнений. Громко и уверенно:

— Поехали...

Мы начали штурм. Все получилось — мы действительно застали Крассовского во время сделки по продаже экспериментальной установки РЭБ. На-

чалась перестрелка между группой захвата, телохранителями Крассовского и людьми с черного рынка. Выстрелы, крики, кровь... Но затем что-то пошло не так. Один из телохранителей западных «партнеров» случайным выстрелом попал в активированную установку РЭБ. Я не могу сказать, что произошло дальше. Возможно, те, кто находился в непосредственной близости от установки, облучились, в их числе был и я.

Я хорошо помню, как гудело в голове в тот момент, когда я впервые открыл глаза после облучения. Долго щурился, всматривался в расплывающиеся силуэты сквозь навязчивые солнечные лучи, слепящие глаза. По привычке потянулся к поясу, где обычно в кобуре висел пистолет, но пальцы схватились за пустоту. Один раз, другой. Под ложечкой неприятно засосало, во рту появился привкус меди. Не хотелось верить, что я потерял пистолет. Пришло понимание, что Крассовский мог уйти... Признаться честно, тогда я был готов ко всему — на моем заявлении без даты теперь могли запросто поставить число, я мог вылететь со службы по статье. Но в тот миг волновало меня совсем другое — я не сумел довести до конца дело всей своей жизни. В груди кольнула просыпающаяся ярость, перемешанная с чувством обиды на самого себя.

Я протер тыльной стороной ладони глаза, несколько раз выдохнул, пытаясь избавиться от надоедливого шума в ушах. Выкашлял мокроту, которой забились бронхи и легкие. Полегчало, вот только стоило мне оглядеться, как от неожиданности я чуть было не завалился на землю пятой точкой. Было от чего — ко мне шли пятеро высоких, крепко сложенных мужчин, укутанных в странные лохмотья,

вооруженных. Снег, крупными хлопьями лупивший по глазам, значительно уменьшал видимость, мне приходилось щуриться и всматриваться перед собой, только тогда я разглядел их вожака. У него была смуглая кожа, длинные прямые волосы, убранные в хвост, лицо, побитое грубыми шрамами, тяжелый испытывающий взгляд. Обращал на себя внимание меч с круглой рукоятью, висевший в ножнах на его поясе. Ботт бился о мускулистое бедро. В левой руке вожак держал мешок, насквозь пропитанный какой-то жидкостью, и я не сразу понял, что эта жидкость — кровь. Остальные четверо выглядели не менее зловеще и отталкивающе, на первый взгляд напоминая дикарей.

Я чувствовал, что слаб и мне попросту не хватит сил бежать или вступить с незнакомцами в схватку, окажись они недружелюбно настроены. Стоя на месте будто вкопанный, я силился разобраться с беспорядочным потоком информации, разом рухнувшим на мою голову. Теперь все происходящее вокруг виделось мне отчетливо, исчез противный шум в голове. Я огляделся, и каково же было мое удивление, когда вместо привычных рубашки и брюк увидел, что укутан в странный шерстяной плащ пурпурного цвета. Под плащом на мне был надет необычный железный панцирь, будто бы повторяющий мои анатомические черты. Завершали образ совершенно нелепые башмаки и поножи. В башмаки были заправлены рваные тряпки, лоскутами обмотанные вокруг моих ног. Поножи, также из железа, больше напоминали щитки.

Повсюду раскинулось заснеженное поле, из-за крупных снежных хлопьев, заволакивающих горизонт, упала видимость. Я не видел звезд, но обратил

внимание, что за спинами приближающейся ко мне группы в небо поднимаются столбы дыма от костров. Пришлось приложить усилие, чтобы убедить себя в том, что происходящее вокруг реальность. В голове начали появляться вопросы.

Как я мог оказаться здесь, в заснеженном поле?

Кто эти люди?

Откуда лохмотья, надетые на меня неизвестно кем?

Где Крассовский, продавцы с черного рынка, ребята из группы захвата?

Я не успевал дать ответ, как в голове возникал новый вопрос. Сейчас мое сознание напоминало пруд, некогда чистый и прозрачный, а теперь взбаламученный, с поднятым с самого дна илом. Стало не по себе. По опыту я мог сказать, что, если вопросов, на которые не удалось ответить сразу, скапливалось больше двух — дело дрянь. Следовало сбросить с себя оцепенение и выяснить, что же на самом деле произошло. Вполне возможно, что эта странная компания могла быть в курсе всего происходящего.

Видя мое замешательство, вожак, тот самый смуглый, с лошадиным хвостом, приветственно вскинул свободную руку, испачканную в запекшейся крови, и, следует признаться, его слова поставили меня в тупик.

— Все в порядке, Спартак? — как-то совсем сухо спросил он. — На тебе нет лица.

Я ничего не ответил, посмотрел на этого странного человека внимательней, силясь понять, что он от меня хочет и откуда знает мое имя, если я не называл его вслух и никак не представлялся. Вожак, укутанный в красный плащ, расплылся в подобии улыбки, обнажил нижний ряд зубов, местами сколотых, а

где вовсе сгнивших. Создалось впечатление, что он никогда прежде не был на приеме у стоматолога. Четверо остальных, все как один угрюмые, с тяжелым взором, рассматривали меня в упор.

— Ты опять снял претексту? — Вожак вздохнул, с угрюмым выражением лица покачал головой.

Вряд ли этот вопрос вожака подразумевал ответ. Тем лучше, я понятия не имел, о чем идет речь. Как бы то ни было, я вновь промолчал.

— Нам нужно твое решение, брат! — сказал один из пятерки, с рыжей бородой и ранней пролысиной.

На его поясе по левую руку висел дротик, по правую меч. Ладонь с растопыренными пальцами лежала на затертой рукояти меча из чистой кости. На нем был надет чешуйчатый доспех с металлическими пластинками в форме рыбных чешуек. Хлопья снега падали на начищенные чешуйки и медленно таяли. Я знал, что могу собрать все силы в кулак, нанести один-единственный удар, который выведет из строя этого детину, приди удар точно в висок или подбородок, но на большее сил попросту не было — остальные тут же сровняли бы меня с землей. Однако в следующий миг, к моему огромному удивлению, рыжий вдруг снял с пояса меч и протянул его мне, рукоятью вперед.

— Негоже нарушать собственные предписания, Спартак, и выходить без оружия за пределы лагеря, — заявил рыжий. — Возьми свой гладиус.

Я вздрогнул от неожиданности, но взял клинок из его рук. Подержал холодный меч в руках, привыкая, все так же чувствуя на себе пристальные взгляды незнакомцев. Шашки наголо? Эти люди хотели, чтобы я вступил в бой, и поэтому дали мне в руки меч? Однако все пятеро так и остались стоять на своих

местах. Я медленно убрал клинок в ножны, оказавшиеся на поясе, изо всех сил стараясь избавиться от навязчивой мысли попробовать силы в неравном бою. Нет уж, возьмись они за дело впятером, и у меня не осталось бы ни единого шанса. Во многом поэтому я решил оставить на потом вопросы, созревшие в моей голове. Для начала, по правилам хорошего тона, мне следовало выслушать этих пятерых. Я настороженно переводил взгляд с одного мужчины на другого. Вооружены, облачены в доспехи, на поясе каждого за кольцо прицеплен железный шлем. Люди Крассовского не стали бы устраивать весь этот цирк, но кто тогда эти пятеро? Очередной вопрос повис.

— Нам нужно твое решение, — повторил слова рыжего вожак.

— О чем идет речь? — на этот раз уточнил я.

Рыжий и вожак переглянулись, по всей видимости, решая, кто будет говорить.

— Расскажи ему, Рут, — сказал рыжий.

Я заметил, что с мешочка в руках вожака падают крупные капли алой крови, растворяясь на кристально белом снегу под его ногами. Было заметно, что мешочек не дает ему покоя. Рут прокашлялся и переложил его в правую руку.

— Ганник и Каст объединились и настаивают на прорыве, — выдохнул он. — Не знаю, как так произошло, но позади остались все их прежние разногласия.

— Ганник предлагает перейти ров этой ночью, — встрял в разговор еще один из пятерки, чернокожий атлет с рельефной мускулатурой, которая проглядывалась, несмотря на то что он кутался в плащ. Атлет разговаривал с акцентом, поэтому я едва разобрал слова. На его лице можно было прочесть явную оза-

боченность. Я обратил внимание, что он то и дело с опаской косится на мешок в руке вожака.

— Вот только Ганник и Каст опять лезут не в свое дело! — покачал головой Рут.

— Как ты считаешь, Спартак? — вставил рыжий.

Слушая их слова, сбивавшиеся на выкрики, я пытался связать нити происходящего в единый клубок. Разговор казался полной нелепицей. Тогда я еще не знал, почему эти люди спрашивали моего мнения. Думал, что Крассовский решил разыграть со мной искусный спектакль, выбрав какую-то особую изощренную месть. Не желая гадать, я было решил озвучить свои мысли вслух, но меня опередил рыжий.

— Покажи ему, что сделали с нашим дозорным, — голосом, полным пренебрежения, прошипел он. — Покажи, Рут.

Вожак вдруг бросил мешок мне под ноги. Я отшатнулся — из мешочка выпала отрезанная человеческая голова. Невидящие зрачки уставились в небо. В открытый рот упало несколько снежинок. По снегу растеклась кровь.

— Тит Лавриний. Его обезглавили, а тело распяли, — со странной ухмылкой пояснил рыжий. — В лагере у него остались жена и ребенок. Ты должен помнить его, Спартак, Тит присоединился к нам у Везувия! Легион Висбальда, первая когорта Дионеда...

— Я не вижу здесь ничего смешного, Митрид! — вспыхнул молчавший до этого мужчина с пышными седыми бородой и усами, которые делали квадратным его лицо.

— А тебе не кажется, что даже римляне никогда не дойдут до того, чтобы обезглавить труп перед распятием? Что скажешь, Нарок? — Рыжий Митрид вдруг вытянулся струной и с вызовом подался вперед.

— Ты хочешь сказать, что это дело рук Ганника или Каста? Ха! Говори прямо! Как есть! — Нарок отреагировал на выпад рыжего детины с усмешкой. — Не опускайся и не клевети на своих товарищей!

— Успокойтесь оба, нам не нужен раскол! — Рут грубо одернул Митрида за руку, остужая его пыл.

Я поймал на себе яростный взгляд Рута.

— Приди же ты в себя, Спартак! — прошипел он. — Если ты будешь и дальше стоять здесь, все погибло. Подумай над этим, и подумай хорошенько. — Я почувствовал, как его пальцы, будто тиски, сжали мое плечо.

— Что делать дальше, Спартак? Как быть? — вновь заговорил рыжий. — Если ничего не предпринять, люди пойдут на прорыв без подготовки сегодня ночью! Это как пить дать! Вот посмотришь!

— То, что Ганник и Каст хотят вступить в бой, бесспорно. — После некоторого раздумья с Митридом согласился Нарок.

— Этого нельзя допустить, — заверил Рут.

Лицо вожака вдруг исказила гримаса ярости. Он выхватил из ножен свой меч и вонзил его рядом с головой несчастного Тита Лавриния. Несмотря на холодную погоду и противный, пронизывающий ветер, я почувствовал, что весь взмок. Слова «я не знаю» стали поперек горла липким комом. Говорили что-то еще, но я ничего не слышал. Голова пошла кругом, заходили желваки. Эти странные люди в лохмотьях спорили, и каждый из этой пятерки ждал, что я вставлю в их спор свое слово, которое должно оказаться решающим. Но происходящее оставалось для меня тайной. События разворачивались слишком стремительно, чтобы я успевал что-либо понять.

Я посмотрел на отрубленную голову Тита Лавриния, лежавшую у моих ног. Совсем молодой мальчишка, не больше двадцати лет, на лице которого застыли предсмертный ужас и понимание неизбежности. перевел взгляд на меч Рута, торчавший из холодной, заснеженной земли. Меч казался раза в полтора длиннее моего клинка. Позже я узнал, что клинок Рута называется спата, это кавалерийский меч, а забрал его этот человек в бою, отрубив вместе с мечом руку врага. Да уж, тогда я вряд ли мог сказать, что передо мной стоит один из лучших гладиаторов Кампании и всей Южной Италии гоппомах Рут собственной персоной. А эти люди, не кто иной, как пятеро из одиннадцати ликторов — членов моей личной охраны, которые ставили мою жизнь выше своей!

Я оставался стоять на месте, одной рукой схватившись за холодную рукоять своего меча. По телу будто бы прошел разряд. Будучи загнан в тупик, я никак не мог сообразить, что делать дальше. Операция на складе по «делу олигарха» Крассовского теперь казалась чем-то далеким и нереальным. Крассовский сумел уйти, а я оказался оторван от привычного потока времени и заброшен в далекое прошлое. Шел 71 год до н. э., я попал на Регийский полуостров, в Древний Рим. Я — Спартак Гладков — возглавил восставших рабов, оказавшись в теле их лидера мёоезийца Спартака. Все ждали от меня решений, эти люди видели во мне своего вождя и победителя в войне за свободу.